

© 2019 г.

В.В. ПЕТУХОВ

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК

ПЕТУХОВ Владимир Васильевич – кандидат философских наук, руководитель Центра комплексных социальных исследований Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (petuhovvv@mail.ru).

Аннотация. Подъем гражданской активности и формирование общественного запроса на перемены переводят вопрос о перспективах российской демократии в качество иное, нежели еще несколько лет назад. Смена вектора общественных настроений и ожиданий, появление в обществе многочисленных групп и слоев, не нуждающихся в государственной опеке и заинтересованных в расширении пространства свободы и индивидуальной самореализации, открывают «окно возможностей» многообразным формам и практикам «гражданского участия». Данное понятие автор интерпретирует как способ самопроявления граждан и их объединений (формализованных и не формализованных) в разных сферах жизни общества. Статья сфокусирована на проблеме взаимодействия и взаимовлияния двух ключевых слагаемых гражданского участия – «политического» и «социального». Их конвергенция, по мнению автора, должна происходить (и до некоторой степени уже происходит), с одной стороны, через «политизацию» социально ориентированных общественных объединений, с другой – «социализацию» политических партий и движений. Автор опирается на результаты последних исследований ИС ФНИСЦ РАН, которые показывают, что пока уровень непосредственной включенности россиян в различные формы политического и социального участия не слишком высок. В то же время есть значительный сегмент «активистской периферии», способной при определенных обстоятельствах к более интенсивной вовлеченности. Подчеркивается, что в современных российских реалиях возросшая значимость гражданского участия определяется не столько «массовостью», сколько способностью активной части общества формировать институциональную матрицу новых форм и практик политического представительства и общественного участия в условиях кризиса доверия существующей власти и большинству институтов представительной демократии.

Ключевые слова: гражданское участие • демократия • активность • власть • гражданское общество • институциональное доверие • запрос на перемены

DOI: 10.31857/S013216250007743-0

Гражданское участие в контексте запроса на перемены. Сдвиги в общественных настроениях в части актуализации запроса на перемены в экономической и политической жизни страны появились еще в 2016–2017 гг. Примерно в это время наметился рост гражданского участия россиян и изменение его качества – перерастание разовых акций по разным поводам в перманентную публичную активность, что особенно отчетливо проявилось летом 2019 г. Возникает вопрос о причинах и возможных последствиях трансформации данного запроса в реальные практики гражданского участия. Для ответа необходимо

вспомнить, в какой общественной атмосфере формировался запрос на перемены и что происходило с гражданским участием¹ в России до 2019 г.

Как уже отмечалось, запрос на перемены как социальное явление изначально не имел выраженной политической коннотации и формировался вокруг текущих социально-экономических проблем [Петухов, 2018]. Это было связано с тем, что в течение длительного времени российское общество не испытывало особого дискомфорта в связи с отсутствием механизмов уравнивания шансов на самореализацию разных групп и слоев общества, отстаивания ими своих, не только политических, но и социальных и трудовых прав. Благоприятная экономическая конъюнктура способствовала росту материального благосостояния многих россиян, позволила им заняться обустройством частной жизни, делегировав ответственность за решение насущных общественных проблем властям, особо не реагируя на их действие или бездействие. Этот феномен, описываемый в научной литературе как превалирование приватной (частной) сферы над официальной публичностью [Политика аполитичных..., 2014: 27–28], на практике позволил властям без серьезного общественного сопротивления свернуть или деконструировать даже те небольшие завоевания отечественной демократии, которые появились в стране на рубеже 1980–1990-х гг.

Однако кризис 2014–2018 гг. и сменившая его экономическая депрессия отсрочили или «обнулили» планы на будущее значительного числа российских граждан. Многие из них начали осознавать, что лояльность властям, включая согласие на ограничение своих гражданских прав и свобод в обмен на рост благосостояния, не приносит былых дивидендов и вряд ли принесет их в обозримом будущем. К тому же политические и экономические элиты чаще стали пытаться возмещать свои издержки, связанные с кризисом и западными санкциями, за счет общества.

Актуализация запроса на перемены стала до некоторой степени ответом на попытки элит расторгнуть негласный «патерналистский консенсус». Его разрушение мотивировало многих россиян (безусловно, далеко не всех) к активному социальному действию, к коллективной самоорганизации для решения проблем, которые им представляются общественно значимыми и которые власти не могут или не хотят решать. Это не значит, что «кризис участия» предшествующих лет преодолен, тем не менее заметна активизация гражданского общества в стране. *А требование вернуть гражданам ранее утраченные рычаги влияния на власть становится частью этого запроса, открывая «окно возможностей» демократизации общественно-политической жизни в стране.* Эти возможности связаны в первую очередь с развитием многообразных форм и практик *гражданского участия*, поскольку перспективы трансформации институтов представительной демократии в нынешних политических реалиях маловероятны². Иначе говоря, вопреки традиционным представлениям о гражданском участии как феномене, во многом производном от совершенствования публичных институтов и публичной политики, в России «живое творчество масс», напротив, есть следствие скорее закупорки легальных институциональных возможностей социального и политического активизма.

Это явно противоречит потребностям групп и слоев общества, которые декларируют отсутствие потребности в государственном патронаже или просто не верят в его эффективность и, как следствие, заинтересованы в расширении пространства свободы и индивидуальной самореализации. Результаты мониторинговых исследований Института социологии

¹ Автор исходит из того, что политическое участие является одной из форм гражданского участия и находится в неразрывной связи с другими его формами, о чем подробнее сказано ниже.

² И дело здесь не только в том, что деятельность большинства этих институтов в нашей стране носит во многом имитационный, формальный характер, но в повсеместном кризисе системы представительной демократии, формировавшейся в иную эпоху и уже не отвечающей реалиям XXI в. [Краснев, 2014: 15–24]. Отсюда повышенный интерес исследователей к «демократии участия», в основе которой лежит осознание гражданами своих индивидуальных интересов и необходимости их защиты в публичном пространстве [Fotopoulos, 1997: 206–209].

Таблица 1

**Выбор в парах суждений, характеризующих активную и инертную жизненные позиции
среди респондентов (2019 г., в %)**

Суждения	Смогу сам, без поддержки государства обеспечить себя и свою семью	Без поддержки со стороны государства мне и моей семье не выжить	Всего по выборке
Главное в жизни – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни	76	43	58
Главное в жизни – это уважение сложившихся обычаев, традиций	24	57	42
Нужно активно бороться за свои интересы и права	60	46	52
Нужно уметь приспосабливаться к реальности, а не тратить силы на борьбу с ней	40	54	48

Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН³ свидетельствуют, что доля россиян, заявляющих о своей способности самостоятельно обеспечить себя и свои семьи без поддержки со стороны государства, медленно, но неуклонно растет и к 2019 г. приблизилась к 50% от числа всех опрошенных. А среди россиян с хорошим материальным обеспечением и молодежи в возрасте 31–40 лет эта доля составляет 78 и 56% соответственно.

Понятно, различие между теми, кто заявляет о неспособности жить без поддержки государства, и теми, кто может без нее обойтись, во многом условно и определяется возрастом, здоровьем, работой в бюджетном или коммерческом секторе и т.д. Тем не менее исследование в июне 2019 г. показало, что они проецируются и на предпочтения респондентов в выборе тех или иных жизненных стратегий. Причем как следует из данных, представленных в табл. 1, дифференциация суждений относительно определения актуальных жизненных приоритетов среди «самодостаточных» респондентов и тех, кто по разным причинам не в состоянии без поддержки государства обеспечить себе и своей семье приемлемый уровень жизни, весьма существенна. Так, согласие с тезисом «*Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни*» высказали 76% представителей первой группы и лишь 47% второй. Альтернативное же суждение «*Главное – это уважение сложившихся обычаев, традиций*» чаще отмечали уже респонденты второй группы – 57 против 24%. Несколько меньший разрыв наблюдается в суждениях респондентов относительно их предрасположенности к разным способам адаптации к существующей реальности. Так, 60% респондентов из первой группы декларируют готовность бороться за свои права и интересы, тогда как вторая группа в большей степени склоняется к пассивным и неконфликтным способам адаптации (57%).

Следовательно, мы имеем дело не только с разными житейскими обстоятельствами, но и с разной «философией жизни». Для одной части общества целесообразным представляется жить согласно сложившимся традициям, обычаям, пассивно адаптируясь к существующим социально-экономическим и политическим реалиям; в то время как другая – предпочитает деятельную, рационально-активистскую модель реализации своих жизненных планов и устремлений.

³В статье использованы данные мониторинговых исследований Института социологии ФНИСЦ РАН 2014–2018 гг. по общероссийской выборке (N = 4000), репрезентировавшей население страны по региону проживания, а внутри него – по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения, а также результаты исследования, проведенного в июне 2019 г. в сотрудничестве с Ассоциацией российских банков (N = 2000), и восьмой волны исследования European Social Survey (ESS8-2016, ed. 2.1), проведенного в 2016 г. в 23 странах Европы и в Израиле.

В целом можно констатировать: в современной России нет дефицита в людях, имеющих высокий уровень жизненных притязаний и стремящихся их активно реализовывать. Структур же, обладающих ресурсным потенциалом и институциональной субъектностью, необходимой для адекватного выражения их интересов, явно не хватает, а имеющиеся либо устраниаются от подобного рода деятельности, либо не пользуются широкой общественной поддержкой. Не случайно, многие россияне, отстаивающие свои экономические, социальные и политические права, не видят политические партии и официальные профсоюзы в роли выразителей и защитников их интересов. Как показывают исследования, городские движения низовой гражданской самоорганизации (*grassroots social movements*) взаимодействуют с партийными структурами и действующими депутатами либо как с посредниками в диалоге с властями, либо как с «площадками», формализующими общественную активность (например, помогающими получить разрешение на митинг) [Колесников, Волков, 2016]. Однако частью, тем более организаторским ядром гражданского участия, они чаще всего не становятся.

Понятие «гражданское участие» и его ключевые слагаемые. Чем же сегодня является гражданское участие в России? Различные трактовки понятия данного феномена российскими и зарубежными исследователями неоднократно становились предметом подробного обстоятельного изучения. Например, в относительно недавней публикации Л. Никовской и И. Скалабан на основе анализа концептов и понятийного аппарата ведущих западных и российских ученых предлагается понимать под «гражданским участием» процессы, при помощи которых граждане непосредственно или опосредованно влияют на принятие органами власти решений, затрагивающих общественные интересы [Никовская, Скалабан, 2017]. Представляется, однако, что ценность участия определяется не только способностью граждан влиять на власть, но и возможностями их самореализации, выхода за рамки повседневности и партикулярных интересов. С этой точки зрения гражданское участие можно охарактеризовать как способ самопроявления граждан и их объединений (формализованных и неформализованных) в разных сферах жизни общества – в социальной сфере, в политике, экономике, культуре, религии. То есть данное понятие носит «зонтичный» характер по отношению к отдельным видам и практикам его реализации.

К отличительным особенностям гражданского участия, понимаемого предложенным образом, можно отнести, во-первых, ориентированность его субъектов на достижение общего блага или интересов широких групп и слоев населения. Поэтому оно не применимо к многочисленным общественным формированиям и локальным сообществам досугового характера – филателистам, нумизматам, спортивным болельщикам, любителям бега или быстрой езды и т.п. Во-вторых, наличие определенной автономии в отношении государства. Это особенно важно для формализованных объединений, которые после регистрации в качестве юридического лица получают крайне аморфный статус некоммерческой организации. В-третьих, добровольность и социально значимая мотивация участия. При этом гражданская мотивация не противоречит реализации собственных, в том числе карьерных, планов и устремлений. Например, стать профессиональным политиком или управленцем, получить известность, статус, связи, что естественно и нормально для активных и стремящихся к самореализации людей.

Гражданское участие, по мнению ряда исследователей, в частности И. Скалабан, выступает в основном в двух ипостасях: в различных формах политической деятельности (политическое участие) и участии в общественном труде, включая благотворительную и волонтерскую деятельность, вовлечение в социальные сети сообщества (социальное участие). К формам *политического участия* она, основываясь на показателях Европейского социального исследования, относит: голосование на выборах, участие в политических кампаниях, обращение к политическим и государственным должностным лицам, членство в политических партиях, интерес к политике, ее обсуждение [Скалабан, 2011: 133]. В нашем исследовании мы базировались практически на тех же показателях с некоторой разницей. В инструментарии были представлены также: участие в выборных кампаниях

в качестве наблюдателя, агитатора, сборщика подписей, работа в выборных органах местного самоуправления, участие в деятельности правозащитных организаций и поддержка связей с политическими единомышленниками через социальные сети.

В свою очередь, к формам *социальной (общественной) активности* относится непосредственное участие в деятельности различных общественных объединений и неформальные индивидуальные и групповые формы участия. В нашем случае это участие в волонтерских, экологических, благотворительных организациях, профсоюзах, органах территориального самоуправления и т.п. Они являются значимыми, как и политическая деятельность, поскольку для любого современного общества *в равной степени важны развитая инфраструктура независимых от государства неполитических акторов и каналов коммуникаций и «политическое общество», являющееся сферой жизни партий, политических организаций и органов публичной политики* [Коэн, Арато, 2003: 8–9].

Общественное и политическое участие в реальных практиках. Каковы уровень и динамика реальной включенности россиян в многообразные формы политического и социального участия? Прежде всего, очевидна политическая активизация заметной части российского общества, проявлением чего становится вовлечение в общественно-политическую жизнь групп и слоев ранее от нее сторонившихся – студенчество, «бюджетники» (врачи, учителя), деятели культуры и искусства. Постепенно меняется отношение россиян к общественной самодеятельности и тем, кто ей занимается. Даже протестное политическое участие сегодня не вызывает былой настороженности у многих наших сограждан, как было несколько лет назад. По данным наших мониторинговых исследований, если весной 2016 г. с одобрением (в той или иной степени) к людям, участвующим в протестных акциях, относились 33% россиян, то к осени 2018 г. их число выросло до 43%. Одновременно снизилась доля респондентов, относящихся к протестующим безразлично и не одобряющих их действия с 51 и 16 до 45% и 12% соответственно.

В то же время далеко не все российское общество демонстрирует интерес к тому, что выходит за пределы непосредственной среды их обитания. Несмотря на широкий размах и перманентный характер общественных выступлений весны–лета 2019 г., данные исследований ИС ФНИСЦ РАН, других социологических центров не дают оснований говорить ни о взрывной политизации общества, ни о существенном росте социальной и политической активности россиян.

По исследованиям Левада-центра⁴, начиная с 2010 г., доля готовых участвовать в акциях протеста с политическими требованиями обычно колебалась в диапазоне 9 и 12% от всех респондентов. Временные повышения происходили в апреле 2011 г. (до 19%) и в октябре 2013 г. (до 14%). Пикового значения этот показатель достиг в июле 2018 г., когда на фоне подготовки «пенсионной реформы» о готовности участвовать в протестах с политическими требованиями заявили 23% россиян. Согласно исследованию в августе 2019 г. их число за год почти не изменилось (20%).

Исследования ИС ФНИСЦ РАН демонстрируют примерно такую же картину уровня политизации общества. Интерес сограждан к общественно-политической жизни страны после некоторого всплеска весной 2015 г. и связанного, по всей видимости, с событиями в соседней Украине стабилизировался на уровне 20–23% постоянно интересующихся политикой. При этом с 40 до 47% выросло число интересующихся ею от случая к случаю. Доля политически индифферентных россиян колеблется в диапазоне 31–35% (рис. 1).

Обращает на себя внимание то, что по аналогичным показателям Россия на фоне государств Европейского Союза выглядит страной с сопоставимым уровнем заинтересованности граждан политической жизнью. Так, согласно данным Европейского социального исследования 2016 г., доля европейцев, в той или иной степени интересующихся

⁴ См.: Раздел «Положение дел в стране» сайта Левада-центра. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/> (дата обращения: 01.09.2019).

Рис. 1. Динамика интереса россиян к политической жизни страны (2013–2018 гг., в %)

политикой, составляет 47% (в России 50%), мало или вовсе не интересующихся – 53% (в России – 50%)⁵.

Что касается непосредственной включенности россиян в политический процесс, то большинство из них ее проявляют либо в ходе голосования на выборах (47%), либо обсуждая события политической жизни в кругу друзей и близких (18%). Деятельные, по-настоящему активистские формы участия (в общественно-политических акциях, в выборных кампаниях в качестве наблюдателя, волонтера, в работе органов местного самоуправления, политических партий и т.п.) практикуют сравнительно небольшое число опрошенных (от 1 до 6%). Цифры не впечатляющие, хотя в современном обществе массовость участия уже не является основополагающим критерием влияния общественных инициатив на происходящие в стране процессы. Кроме того, следует учитывать, что и некоторые формы участия, прежде всего протестно-политического характера, предполагают выход из зоны социального «комфорта», а на это способны, в силу разных причин, далеко не все наши сограждане. Тем не менее опрос осени 2018 г. показал небольшой рост активистских форм политического действия (табл. 2). Например, число участников общественно-политических акций за период с 2014 г. выросло с 2% в 2016 г. до 5% в 2018 г.

Важно, что среди политически активной части российского общества есть ядро (7%) задействованных в трех и более формах и практик политического участия (рис. 2). Есть и периферия (например, об участии в двух различных формах заявило 12%), которая при определенных обстоятельствах способна к более широкой и активной вовлеченности.

Что касается групп и слоев, демонстрирующих повышенный уровень включенности в те или иные формы политического участия, то это главным образом хорошо материально обеспеченные россияне, живущие в крупных, но не столичных городских центрах, имеющие высшее образование, а также молодежь в возрасте 18–30 лет, то есть городской средний класс и близкие к нему группы и слои. Особенно выделяются на общем фоне материально обеспеченные россияне: 9% среди них работали на выборах в качестве

⁵ Данные European Social Survey (Европейского социального исследования (ESS)), проведенного в 2016 г. в 23 странах Европы.

Таблица 2

Динамика участия россиян в политической жизни страны (2014–2018 гг., в %)

Формы участия	2014	2016	2018
Участие в общественно-политических акциях	3	2	5
Участие в работе политических партий	2	2	2
Участие в выборах кампаниях в качестве наблюдателя, агитатора, сборщика подписей и т.п.	6	5	6
Участие в выборах в качестве избирателя (голосование)	41	32	47
Работа в выборных органах местного самоуправления (советах депутатов)	2	3	3
Участие в деятельности правозащитных организаций	1	1	1
Поддерживать связи с политическими единомышленниками в социальных сетях, на форумах в Интернете	3	н/д	2
Участие в публичных слушаниях, в подаче обращений в органы власти и т.п.	н/д	2	4
Обсуждение политических событий с друзьями, коллегами по работе, учебе	37	26	18
Никакого участия в политической жизни не принимали	43	52	45

Рис. 2. Показатели различных форм участия в политической и общественной жизни страны (2018 г., в %)

наблюдателей, агитаторов, членов избирательных комиссий, 7% принимали участие в общественно-политических акциях.

Включенность россиян в разнообразные формы организованной общественной самодеятельности, согласно исследованию, находится примерно на том же уровне, как и уровень политического участия (от 1 до 6%) (табл. 3).

Наивысшие показатели общественной самоорганизации демонстрируют хорошо обеспеченные россияне, и, что неожиданно, – жители поселков городского типа, молодежь и респонденты с высшим образованием. Средние показатели у жителей мегаполисов, крупных городов и респондентов в возрасте 51–60 лет. Наиболее инертны плохо обеспеченные материально россияне, имеющие низкий уровень образования, жители села, а также пожилые россияне. И это понятно: эти категории граждан выступают скорее объектом, чем субъектом социального участия. Интересно, что возрастная группа (60+) довольно активна в политическом отношении, имея один из самых высоких показателей участия в выборах.

Численность ядра и периферии несколько ниже по сравнению с политическими практиками: 4% опрошенных заявили о своем участии в работе трех и более общественных формирований и столько же – в двух. Это связано, в первую очередь, со спецификой социального участия, практики которого в большинстве случаев мало сочетаемы. Но то, что 12% опрошенных заявили о своем участии в одной из отмеченных организаций, можно считать важным ресурсом общественной самоорганизации (см. выше рис. 2).

Таблица 3

Динамика участия россиян в деятельности различных общественных организаций, объединений и сообществ (2014–2018 гг., в %)

Формы участия	2014	2016	2018
Социальные волонтерские движения (помощь пострадавшим при пожарах, наводнениях и т.п.)	4	3	5
Экологические организации	2	2	3
Профсоюзы	7	6	4
Благотворительные организации	2	5	4
Территориальное самоуправление, ТСЖ	4	7	4
Общества защиты прав потребителей	1	1	2
Объединения по защите памятников культуры, архитектуры и т.п.	1	1	2
Интернет сообщества	6	5	6
Религиозные организации	2	1	2
Не приходилось участвовать в перечисленных организациях, объединениях и сообществах	78	76	80

Проведенное исследование позволило выявить степень политизации респондентов, вовлеченных в те или иные практики социального и политического участия. Выяснилось, что показатели уровня политизации политических и социальных активистов практически идентичны. Таким образом, представления о «общественниках» как о людях «зацикленных» исключительно на решении своих локальных проблем и далеких от всего того, чем живет страна, не находят эмпирического подтверждения. А дистанция между социальным и политическим участием в реальной жизни не столь велика и при необходимости легко преодолевается.

Перспективы взаимодействия разных практик гражданского участия. Процесс взаимопереплетения форм и практик социального и политического участия идет и будет происходить и далее. Поэтому проблема нахождения оптимальных форм их взаимодействия с учетом особенностей «гражданского» и «политического» сегодня выходит на передний план. Мировой опыт свидетельствует: это взаимодействие чаще всего происходит через их «конвергенцию» путем, с одной стороны, «политизации» социально ориентированных общественных объединений, с другой – «социализации» политических партий и движений. Как справедливо отмечает Б.Г. Капустин, политика, безусловно, «первичная реальность» жизни людей, что отнюдь не означает, что все в этой жизни есть политика или специфические для каждой исторической ситуации обстоятельства [Политическая наука перед..., 2015: 41].

«Социализация политики» в современных реалиях предполагает, на наш взгляд: 1) отказ политиков и особенно политических активистов от избыточно жесткой идеологической и политической самоидентификации и усиление их внимания к повседневным нуждам различных групп и слоев населения; 2) отказ от абсолютизации выборных и парламентских процедур в политическом процессе. И не только потому, что в постсоветской России вероятность смены власти, даже на региональном уровне в ходе свободных и конкурентных выборов, невелика. Просто в современном, сложно организованном обществе демократический процесс не может быть сведен только к ним. В противном случае из поля внимания партий и политически активной части общества фактически выпадают другие, помимо выборов, практики демократического участия, а также многие проблемы, волнующие граждан здесь и сейчас. Поэтому *задача восстановления неэлекторальных форм политического влияния на общественные процессы представляется сегодня одной из важнейших.*

Что касается социальных движений, особенно протестного характера, здесь политизация предполагает прежде всего обретение понимания их лидерами и гражданскими активистами того неопровержимого факта, что участие без институционализации и политического

оформления требований бесперспективно. Пока большинство попыток добиться от властей решения социально значимых вопросов путем стихийных уличных акций, за редким исключением, заканчивались безрезультатно. Поэтому власти не раз заявляли, что не понимают, с кем и о чем надо договариваться. А локальный характер этих выступлений не позволял заручиться солидарной поддержкой граждан, непосредственно не вовлеченных в конфликты.

Многие россияне готовы откликнуться на чужую беду, помочь больным детям и старикам, ехать за сотни километров тушить пожары или бороться с наводнениями. Но системно бороться за свои законные права, не говоря о правах других людей, оказавшихся в сложном положении, они не слишком предрасположены. Показательна в этом отношении ситуация с протестной волной лета–осени 2018 г. вокруг пенсионной реформы, мощно начавшейся, но быстро схлынувшей. Так, Р.В. Петухов, анализирувавший ее ход, отмечал, что одной из причин ее спада было отсутствие в российском обществе солидарности поколений. Активная молодая часть российского общества не сочла необходимым выступить в поддержку поколения родителей. Те, кто принял участие в протестных акциях, использовал их в основном для демонстрации своего негативного отношения к властям [Петухов, 2018: 25].

В этих условиях политизация социальных движений, особенно тех, в которых значителен протестный компонент, необходима хотя бы для того, чтобы «масштабировать» те или иные проблемы, привлечь к ним внимание широкой общественности, заручиться ее поддержкой. А взаимодействие разных форм участия повышает шансы быть услышанными властями. Поэтому подчеркивая необходимость сохранения дистанции между социальным и политическим участием, важно не впадать и в их противопоставление, что проявляется в стремлении некоторых гражданских объединений и отдельных активистов любой ценой оставаться «вне политики». Очевидно, большинство общественных объединений, таких, например, как благотворительные или волонтерские, далеки от нее, чего нельзя сказать о многих участниках движений «одного требования» и протестных акций, открыто декларирующих недовольство властями, предъявляя им разнообразные требования, но считая при этом, что политикой они не занимаются и к ней безразличны. Между тем, Д. Волков и А. Колесников, анализирувавшие опыт развития гражданских практик в Москве, отмечали: сети активных граждан, различных профессиональных ассоциаций и активистских групп по интересам имеют возможность перейти с локального уровня на городской только тогда, когда их требования к властям приобретают общегражданское звучание [Волков, Колесников, 2016].

Что касается перспективности конкретных форм и практик участия, то в ситуации деградации социальной сферы и снижения жизненного уровня населения одной из главных точек их сборки становится борьба россиян за экономические и социальные (в широком смысле) права. Число готовых отстаивать социально-экономические права граждан заметно превосходит готовых выступать в защиту политических прав и свобод (32 против 20%) (табл. 4).

Таблица 4

Динамика готовности россиян участвовать в массовых выступлениях в защиту экономических и политических прав и свобод (2016–2018 гг., в %)

Готовность участвовать в митингах и демонстрациях:	Безусловно да		Скорее да		Скорее нет		Безусловно нет	
	2016	2018	2016	2018	2016	2018	2016	2018
В защиту демократических прав и свобод (слова, собраний, шествий и т.п.)	4	6	13	14	41	44	42	37
В защиту экономических и социальных прав граждан (безработица, снижение жизненного уровня, пенсионная реформа и т.п.)	7	11	22	21	34	35	37	33

Эта готовность во многом декларативна: последние исследования Центра социально-трудовых отношений показывают, что наемные рабочие государственных и частных предприятий в массе своей апатичны даже в ситуациях, когда затрагиваются их непосредственные социально-экономические права и интересы. Так, в 2018 г. было зафиксировано лишь 229 «трудовых» протестных акций (в 2016 г. их было 419 акций), главной причиной которых была невыплата заработной платы (70% случаев). По мониторинговым данным этого же Центра, начиная со второго квартала 2019 г., число протестных акций с политической и экологической повестками стало опережать число «трудовых» протестных акций⁶.

Дело здесь, конечно, не только в апатичности работников, а в том, что в социально-трудовой сфере сегодня еще меньше легальных возможностей отстаивать свои права, не опасаясь последствий такой активности, чем даже в политической. Поскольку эта ситуация ненормальна, вполне вероятной представляется «разморозка» профсоюзного движения в стране. В каких конкретно формах «разморозка» будет происходить – сказать сложно. Очевидно: не последнюю роль в ней будут играть протестные формы активности, которые способны «производить» альтернативные нынешним официальным профсоюзам формы самоорганизации и коммуникации. Они вряд ли будут чисто «тред-юнионистскими», поскольку в современной России первичен конфликт не между трудом и капиталом, а между властью и обществом. А раз так, эта борьба неизбежно будет приобретать политический характер. То же самое можно сказать о конфликтных ситуациях в других сферах до тех пор, пока не будет преодолена *недопредставленность в публичной политике в целом и во властных органах разного уровня значительных сегментов российского общества* – многочисленных слоях молодежи и городского среднего класса, имеющих иной взгляд на происходящие в России процессы и иные приоритеты в отношении ее будущего, чем ныне правящая элита. Радикализация политического протеста в Москве и некоторых городах страны летом–осенью 2019 г. связана в первую очередь именно с этим.

В целом, Россия постепенно просыпается, преодолевая синдром неучастия, характерный для начала 2000-х. Возросшая значимость гражданского участия определяется сегодня способностью (пока во многом потенциальной) активной части общества формировать институциональную матрицу его новых форм и практик общественной самоорганизации, в условиях кризиса доверия существующей власти и большинству институтов представительной демократии. Это и есть будничная, каждодневная «демократия участия», потребность в которой сегодня чрезвычайно велика.

Не следует забывать и о том, что в отличие от перестроечных времен, когда власть в инициативном порядке октроировала гражданскому обществу многие права и свободы, сегодня активистам приходится бороться за возможность реализовывать свои социальные, экономические и политические права. И хотя пока уровень включенности россиян в сети социального взаимодействия невысок, многие его практики обладают мультиплицирующим эффектом – в случаях попадания в резонанс общественных ожиданий даже небольшие группы активистов способны подключать к решению тех или иных важных вопросов до того инертную часть населения. В современном обществе, каким безусловно является нынешняя Россия, важна не столько массовость участия, сколько способность гражданских движений формировать ответственных граждан, которые бы чувствовали сопричастность со всем, что происходит вокруг них – от собственного двора и до страны в целом.

⁶ Ноябрь 2018 г. Мониторинг ЦСТП Трудовые протесты в России. URL: <http://trudprava.ru/monitoring/2124> (дата обращения: 19.10.2019).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Волков Д., Колесников А. Самоорганизация гражданского общества в Москве. Мотивы, возможности и пределы политизации. М.: Московский Центр Карнеги, 2016.
- Коэн Д.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М.: Весь Мир, 2003.
- Крастев И. Управление недоверием. М.: Европа, 2014.
- Никовская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 43–60. DOI: 10.17976/jpps/2017.06.04.
- Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 40–53. DOI: 10.31857/S013216250002784-5.
- Петухов Р.В. Гражданское и политическое участие в условиях формирования запроса на перемены // Социальная наука и социальная практика. 2018. № 4. С. 23–26. DOI: 10.19181/snsp.2018.6.4.6080.
- Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011–2013 годов. Коллективная монография / Ред. С.В. Ерпылева, А.В. Магун. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития. Коллективная монография / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина. М.: Аспект-Пресс, 2016.
- Скалабан И.А. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 1. С. 130–139.
- Fotopoulos T. Towards an Inclusive Democracy: The Crisis of the Growth Economy and the Need for a New Liberatory Project. London: Cassell, 1997.

Статья поступила: 07.08.19. Финальная версия: 24.10.19. Подписана в печать: 28.10.19.

CIVIC PARTICIPATION IN RUSSIA TODAY: INTERACTION OF SOCIAL AND POLITICAL PRACTICES

PETUKHOV V.V.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Vladimir V. PETUKHOV, Cand. Sci (Phil.), Head of the Center of the Comprehensive Social Studies, Institute of Sociology of FCTAS of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (petuhovvv@mail.ru).

Abstract. The author argues that the rise of civic activism and formation of the public demand for social change convert the problem of the prospects of the Russia's democracy into another context, than it had been a few years ago. The change of vector of public moods and expectations as it is stated in the article coincides with the emergence of multiple social groups and strata that do not need any government care and are interested to expand the borders of freedom and individual self-realization. These both factors open a «window of opportunity» for the development of diverse forms and practices of «civic participation». The author interprets the above concept as a way that citizens and either formalized or not formalized social associations are expressing self-manifestation in different social spheres. The problem of interaction and co-influence between such two key components of civic participation as the «political» and «social» ones is the central problem of the article. The author argues that the convergence between the «political» and «social» components of civic participation should occur (and to some extent it is already going on) through both the «politicization» of socially oriented public associations and the «socialization» of political parties and movements. The author applies sociological data collected by Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences that demonstrate that the level of direct involvement of Russia's citizens into various forms of political and social participation is low. Wherein there is a rather significant segment of the «activist periphery» that under certain circumstances is promising for more intense involvement. It is emphasized that the increased importance of civic participation in contemporary Russia is determined not so much by its «mass character» as by ability of the active part of society to form institutional matrix of new forms and practices for political representation and public participation. This process is intensifying under the influence of confidence crisis both to existing power and government system and to most institutions of representative democracy.

Keywords: civic participation, democracy, activity, authority, civil society, institutional confidence.

REFERENCES

- Erpyleva S.V., Magun A.V. (eds) (2014) *Apolitical Policies: Civil Movements in Russia 2011–2013*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Fotopoulos T. (1997) *Towards an Inclusive Democracy: The Crisis of the Growth Economy and the Need For a New Liberatory Project*. London: Cassell.
- Gaman-Golutvina O.V. (ed.) (2016) *Political Science Facing the Challenges of Global and Regional Development*. Moscow: Aspekt-Press. (In Russ.)
- Koen D.L., Arato E. (2003) *Civil Society and Political Theory*. Moscow: Ves' mir. (In Russ.)
- Krastev I. (2014) *The Management of Mistrust*. Moscow: Evropa. (In Russ.)
- Nikovskaya L.I., Skalaban I.A. (2017) Civic Participation: Features of Discourse and Actual Trends of Development. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political Studies]. No. 6: 43–60. DOI: 10.17976/jpps/2017.06.04. (In Russ.)
- Petukhov R.V. (2018) Civil and Political Participation in the Conditions of Forming a Request for Change (On the Example Protest Actions against Raising the Retirement Age). *Sotsiologicheskaya nauka i social'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice] No. 4: 23–26. DOI: 10.19181/snsp.2018.6.4.6080. (In Russ.)
- Petukhov V.V. (2018) Dynamics of the Social Attitudes of the Russia's Citizens and Making of a Public Demand for Change. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 40–53. DOI: 10.31857/S013216250002784-5. (In Russ.)
- Skalaban I.A. (2011) Social, Public, and Civic Participation: the Problem of Understanding the Concepts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. No 1: 130–139. (In Russ.)
- Volkov D., Kolesnikov A. (2016) *Self-organization of Civil Society in Moscow. Motives, Opportunities, and Limits of Politicization*. Moscow: Carnegie Moscow Center. (In Russ.)

Received: 07.08.19. Final version: 24.10.19. Accepted: 28.10.19.